

УДК 343. 61

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ ИЛИ ЗДОРОВЬЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Г.Б. Жунушова

Раскрываются особенности признаков объекта посягательства на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля, обозначаются некоторые пробелы законодательной конструкции состава преступления «посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля», предложены перспективы совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля; объект; потерпевший.

МАМЛЕКЕТТИК ЖЕ КООМДУК ИШМЕРДИН ӨМҮРҮНӨ ЖЕ ДЕН СООЛУГУНА ЗЫЯН КЕЛТИРҮҮНҮН АЙРЫМ МАСЕЛЕЛЕРИ

Бул макалада мамлекеттик же коомдук ишмердин өмүрүнө же ден соолугуна зыян келтирүү белгилеринин өзгөчөлүктөрү көрсөтүлөт, мамлекеттик же коомдук ишмердин өмүрүнө же ден соолугуна зыян келтирүү кылмыш курамынын мыйзамдык конструкциясындагы айрым мүчүлүштүктөр белгиленген, каралган тармакта кылмыш-жаза мыйзамдарын өркүндөтүү келечеги сунушталган.

Түйүндүү сөздөр: мамлекеттик же коомдук ишмердин өмүрүнө же ден соолугуна зыян келтирүү; объект; жабырлануучу.

SOME QUESTIONS OF OBJECT OF ENCOURAGEMENT ON LIFE OR HEALTH OF STATE OR PUBLIC ACTIVITY

G.B. Junushova

The article reveals the features of the signs of the object of encroachment on the life or health of a state or public figure, some gaps in the legislative design of the offense of an encroachment on the life or health of a public or public figure are indicated, and prospects for improving criminal legislation in this sphere are suggested.

Keywords: encroachment on the life or health of a state or public figure; object; victim.

На протяжении всей истории уголовного законодательства Кыргызстана, начиная со времен обычного права кыргызов и до настоящего времени, были криминализованы посягательства на жизнь государственных и общественных деятелей. Например, до вхождения Кыргызстана в состав Российской империи, во времена действия обычного права, совершение преступлений против влиятельных лиц айла, рода – манапов, баев, биев, аксакалов и др. – относились к преступлениям с отягчающими вину обстоятельствами [1, с. 111].

После принятия Уголовного кодекса Киргизской ССР 29 декабря 1960 г. (далее УК Кирг. ССР) [2] рассматриваемый состав преступления получил законодательное закрепление в нормах ст. 60, носившей название “Террористический акт”. Так, уголовно-наказуемым в соответствии со ст. 60 УК Кирг. ССР являлось “убийство государственно-го или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти”. Причинение вреда здоровью государственного или

общественного деятеля законодателем закреплялось во второй части ст. 60 УК Кирг. ССР и характеризовалось такой конструкцией объективной стороны, как причинение тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью в тех же целях.

Уголовное законодательство Кыргызской Республики во многом сохранило преемственность положений и конструкций составов преступлений. Так, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. [3] (далее УК КР) нормой ст. 294 предусмотрена уголовная ответственность за посягательство на жизнь и здоровье государственного или общественного деятеля. Причем в разных редакциях рассматриваемой статьи законодатель подвергал значительным изменениям конструкцию объективной стороны деяния, описываемого в диспозиции. Так, в первоначальной редакции ст. 294 УК КР уголовно-наказуемым признавалось посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность (террористический акт). Позднее законодателем термин “посягательство” был заменен термином “убийство”, однако причинение вреда здоровью государственного или общественного деятеля, а равно угроза причинения такого вреда, все также оставалось за пределами регулирования нормы ст. 294 УК КР, однако сохранялось указание на то, что описываемое деяние является террористическим актом.

Действующим антитеррористическим законодательством, в частности законом Кыргызской Республики “О противодействии терроризму” от 8 ноября 2006 г. № 178 [4] в ст. 1, при формулировке определения террористического акта перечисляются непосредственно совершаемые преступления либо преступления террористического характера, выраженные в совокупности или раздельно, в числе которых, среди прочих, указано посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля. С учетом этого обстоятельства современная уголовно-правовая наука рассматривает посягательства на жизнь государственных или общественных деятелей в качестве преступлений террористического характера.

Значительные изменения в конструкции уголовно-правовой нормы произошли после внесения изменений в УК КР законом Кыргызской Республики “О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму” от 2 августа 2016 г. № 162

[5], в соответствии с редакцией которого из диспозиции ст. 294 УК КР было исключено словосочетание “террористический акт” и впервые криминализованы “насильственные действия в отношении государственного или общественного деятеля либо проживающих вместе с ним членов его семьи, а равно угроза применения такого насилия в целях прекращения его государственной или общественной деятельности либо из мести за такую деятельность”.

Перейдем к рассмотрению объективных признаков посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля.

Родовым объектом посягательства на жизнь или здоровье государственного или общественно-го деятеля выступает система общественных отношений, возникающих в процессе возникновения и реализации и нормального функционирования легитимной государственной власти.

Видовым объектом преступления являются основы конституционного строя и безопасности государства, являющиеся совокупностью правовых отношений, посредством которых определяются политическая организация общества, государственная власть, государственное устройство и статус граждан Кыргызской Республики, закрепленные на конституционном уровне.

При определении непосредственного объекта посягательства на жизнь и здоровье государственного или общественного деятеля в доктрине уголовного права не сложилось единообразного подхода и продолжают возникать дискуссии. Так, по мнению В.С. Клягина [6, с. 157–160], непосредственный объект рассматриваемого состава – политические основы государства; в качестве дополнительного объекта жизнь государственного или общественного деятеля указывали Б.В. Здравомыслов [7, с. 368], Н.И. Ветров [8, с. 378], А.В. Седых [9, с. 10]. Представители противоположной точки зрения, в числе которых следует упомянуть Н.Н. Маршакову [10, с. 17], указывают, что рассматриваемое преступление является двух-объектным, т.е. производится причинение вреда не только интересам государства, но и жизни или здоровью государственного или общественного деятеля; И.Я. Козаченко и Г.П. Новоселов придерживаются мнения о том, что посредством посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля производится причинение вреда двум непосредственным объектам: жизни государственного или общественного деятеля и государственной или общественной деятельности этих лиц [11, с. 759]. Мы склоняемся к точке зрения, что посягательство на жизнь и здоровье государственного или общественного деятеля выступает

преступлением с двумя непосредственными объектами, в числе которых следует указать общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения основ конституционного строя, политической системы и государственной власти, а также жизнь и здоровье государственного или общественного деятеля. С учетом законодательной конструкции ч. 1 ст. 294 УК КР вред здоровью может быть также причинен проживающим вместе с государственным или общественным деятелем членам его семьи. Однако с учетом законодательной формулировки названия ст. 294 УК КР – Посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля – здоровье членов семьи государственного или общественного деятеля, на наш взгляд, дополнителем объектом преступления.

Существующие трудности в толковании объективных признаков рассматриваемой уголовно-правовой нормы вызывает отсутствие примечания к ст. 294 УК КР, раскрывающего определения понятий “государственный деятель” или “общественный деятель”. По нашему мнению, определение понятий государственного деятеля и общественного деятеля несет важное теоретико-правовое и практическое значение, так как в процессе квалификации рассматриваемого состава преступления могут возникать проблемы с определением круга потерпевших. В связи с отсутствием в уголовном законе определения понятия государственного и общественного деятелей либо указания на определяющие признаки, данным понятиям свойствен субъективный и достаточно оценочный характер как в практическом, так и в доктринальном аспекте. Не находится разъяснений, кого же считать государственным или общественным деятелем и в других нормативно-правовых актах Кыргызской Республики.

В условиях современного уровня развития уголовного законодательства и науки уголовного права остается не ясным, кем и с учетом каких критериев производится оценка, является ли лицо государственным, общественным деятелем или нет? Как правильно отмечает П.В. Сеничева, “в законодательных актах не очерчен круг лиц, относящихся к понятию государственного, общественного деятеля, да и постановления высших судов молчат по данному вопросу, таким образом, суд оставляют один на один с собственными внутренними убеждениями, поскольку правовой опоры законодатель не предоставил” [12, с. 55].

С юридической точки зрения под категорию государственных и общественных деятелей подпадают лица, которые активно участвуют в руководстве государством, политическими партиями, а также общественными объединениями, не запре-

щенными религиозными организациями, профессиональными союзами и прочими общественными организациями. Как указывают А.Ю. Решетников и А.В. Арсеньев, “...определяющим в характеристике потерпевшего является не столько его должностное или общественное положение, сколько характер его служебных функций, масштабность и активность их осуществления, значимость деятельности потерпевшего для реализации тех или иных направлений внутренней или внешней политики государства” [13]. С учетом того, что объектом преступления являются политические основы конституционного строя, потерпевшим может быть только то лицо, посягательством на жизнь и здоровье которого причиняется вред именно таким основам.

Существует точка зрения, в соответствии с которой не признаются государственными деятелями государственные служащие, вне зависимости от занимаемой должности, в связи с тем что ими не принимается участие в выработке и формировании государственной политики на государственном уровне. Убийствами государственных служащих не наносится серьезного урона функционированию политической системы [14, с. 88]. Однако мы считаем, что такая позиция представляется недостаточно точной. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1 закона Кыргызской Республики “О государственной гражданской службе и муниципальной службе” от 30 мая 2016 г. № 75 [15] государственной службой является профессиональная служебная деятельность граждан Кыргызской Республики в государственных органах, которая включает в себя государственную гражданскую, военную, правоохранительную и дипломатическую службу. Следовательно, в рамках каждого из обозначенных видов государственной службы государственными служащими могут выполняться те или иные установленные законом полномочия, прямо или косвенно влияющие на реализацию государственной политики. Представляется, что государственными служащими, не участвующими в процессе формирования государственной политики и реализации государственной политики и, следовательно, не входящими в круг потерпевших по ст. 294 УК КР, выступают государственные служащие, занимающие административные государственные должности.

С.У. Дикаевым предложено к государственным деятелям относить высшее руководство страны, членов правительства, министров, членов парламента, депутатов всех уровней, глав администраций и подобных им лиц, наделенных правом принятия значимых для государства или региона политических решений [16, с. 113].

Отечественными криминологами высказано мнение, что под государственным деятелем следует признавать лицо, занимающее высокий пост в системе органов государственной власти, которое своей деятельностью активно проводит в жизнь политику государства в различных сферах деятельности (представители высшего руководства КР, члены правительства, заместители министров либо руководители других ведомств, депутаты Жогорку Кенеша и др.) [17, с. 566]. Общественными деятелями выступают руководители или видные члены различных общественных организаций и партий, массовых движений, профессиональных или религиозных организаций, а также видные деятели науки, культуры, образования и т.п. [17, с. 566].

В качестве примера определения в судебной практике потерпевшего по ст. 294 УК КР в качестве общественного деятеля можно привести следующее дело. Так, Первомайским районным судом города Бишкека в качестве общественного деятеля был признан М.К., который, являясь президентом общественного фонда независимого аналитического исследовательского центра “Религия, право и политика”, членом совета директоров фонда “Иман” при Президенте Кыргызской Республики, членом общественно-экспертного совета при Президенте Кыргызской Республики по вопросам религии, а также одним из ведущих экспертов и теологов в Кыргызской Республике в области противодействия терроризму и религиозному экстремизму, неоднократно через средства массовой информации, а также через различные конференции выступал против деятельности террористической организации “Исламское государство” и других террористических организаций с целью недопущения их распространения на территории Кыргызской Республики. Б.Ы.О. и Т.У.А., будучи приверженцами террористической организации “Исламское государство”, услышав призывы М.К., в отместку за его деятельность, а также с целью прекращения его общественной деятельности в области религии и противодействия терроризму и недопущения критики в отношении “Исламского государства”, решили совершить его убийство, для чего вступили между собой в предварительный сговор [18].

По нашему мнению, в целях совершенствования уголовного законодательства представляется целесообразным дополнить ст. 294 УК КР примечанием, в котором на законодательном уровне будет закреплено определение понятий “государственный деятель” и “общественный деятель” следующего содержания:

“Примечание

1. Государственными деятелями настоящей статьей признаются лица, замещающие полити-

ческие, специальные государственные должности Кыргызской Республики.

2. Общественными деятелями настоящей статьей признаются лица, являющиеся руководителями и иными лицами, входящими в состав руководящих органов политических партий, общественных объединений и иных общественных образований, осуществляющих политическую деятельность, лица, замещающие муниципальные политические должности, а также деятели науки, культуры и образования”.

По нашему мнению, принятие такого разъясняющего примечания будет способствовать искоренению некоторых проблем квалификации деяний по ст. 294 УК КР и позволит устранить субъективную оценочность при определении потерпевшего от преступления.

Литература

1. *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов. Бишкек: Фонд “Сорос-Кыргызстан”, 2000. 332 с.
2. Уголовный кодекс Кыргызской ССР 29 декабря 1960 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205084?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.09.2017).
3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833&page=11 (дата обращения: 10.09.2017).
4. Закон Кыргызской Республики “О противодействии терроризму” от 8 ноября 2006 г. № 178. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971/80?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Закон Кыргызской Республики “О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму” от 2 августа 2016 г. № 162. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111441?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.09.2017).
6. *Клягин В.С.* Ответственность за особо опасные государственные преступления / В.С. Клягин. Минск: Вышэйшая школа, 1973. 272 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юрист, 2001. 552 с.
8. *Ветров Н.И.* Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / Н.И. Ветров. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2000. 527 с.
9. *Седых А.В.* Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Седых. Казань, 2007. 16 с.
10. *Маршак Н.Н.* Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля

- (ст. 277 УК РФ) / Н.Н. Маршакова // Российский следователь. 2012. № 14. С. 17–19.
11. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Норма, 2008. 1008 с.
  12. *Сеничева П.В.* К вопросу о содержании понятий “государственный деятель” и “общественный деятель” (в рамках ст. 277 Уголовного кодекса РФ) / П.В. Сеничева // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 3. С. 55–60.
  13. *Решетников А.Ю.* Общественная опасность и проблемы определения объекта посягательства на жизнь государственного или общественно-го деятеля / А.Ю. Решетников, А.В. Арсеньев. URL: <http://mosi.ru/ru/conf/articles/obshchestven-na-ya-opasnost-i-problemy-opredeleniya-obek-ta-posyagatelstva-na-zhizn> (дата обращения: 10.09.2017).
  14. *Трошкин Е.* Уголовная ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественно-го деятеля / Е. Трошкин, С. Токмаков // Уголовное право. 2009. № 5. С. 87–91.
  15. Закон Кыргызской Республики “О государственной гражданской службе и муниципальной службе” от 30 мая 2016 г. № 75. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111354?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.09.2017).
  16. *Дикаев С.У.* Уголовно-правовой анализ некоторых преступлений террористического характера (статьи 277 и 360 УК) / С.У. Дикаев // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности: сб. тр. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 16. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. С. 112–121.
  17. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики / отв. ред. К.Ш. Курманов Бишкек: Наука и образование, 2003. 746 с.
  18. Приговор Первомайского районного суда города Бишкек по уголовному делу № УД-410/17. БЗ от 22 июня 2017 г. URL: <https://sot.kg/act/download/41004.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).